

с. 2.

Театръ и зрѣлища.

Спектакль въ городскомъ театрѣ.

«Чайка» г. Чехова, при своемъ появленіи на сценѣ и въ печати, вызвала большое недоумѣніе. Въ Петербургѣ она даже была освисгана при первомъ представленіи и въ слѣдующіе не имѣла успѣха. Нѣсколько большій успѣхъ она имѣла въ Москвѣ, но и то далеко не блестящій, и вскорѣ была снята со сцены. Намъ самимъ, при первомъ чтеніи (въ журналѣ «Русск. Мысль»), пьеса г. Чехова рѣшительно не понравилась, что нами и было выражено въ печати («Сам. Газ.» № 11, 1897 г.). Далеко больше она понравилась намъ, когда мы увидѣли ее на сценѣ, и даже мы приходимъ теперь къ убѣжденію, что публика отнеслась къ этой пьесѣ, повидимому, слишкомъ несправедливо. Причина ея неуспѣха — лежитъ въ оригинальности ея замысла и исполненія. Можно еще, пожалуй, сказать, что самъ талантливый авторъ, какъ и одинъ изъ героев его пьесы, Треплевъ, не разобрался хорошо въ томъ, что его волнуетъ и мучитъ, въ тѣхъ образахъ и чувствахъ, которые вызываетъ въ немъ жизнь.

Если смотрѣть на пьесу, какъ на изображеніе провинціального общества, какъ, напр., писало о ней «Нов. Врем.», то она рѣшительно должна показаться несоотвѣтствующей цѣли. Провинціального общества въ ней нѣтъ, въ ней есть, главнымъ образомъ, столичная богема, въ нѣкоторомъ родѣ «солъ земля» — извѣстная артистка и извѣстный беллетристъ, которыхъ и атмосфера окружаетъ соответствующая ихъ характеру. Въ своемъ родѣ они свѣтъ, но только свѣтъ электрическій, который не грѣетъ. Они, какъ и окружающія ихъ лица, утратили представленіе о цѣли жизни. Они сами не знаютъ, зачѣмъ живутъ, зачѣмъ работаютъ. Нѣтъ вѣрованій, нѣтъ никакихъ прочныхъ основъ, твердыхъ взглядовъ, и жизнь для нихъ представляетъ лишь калейдоскопъ смѣняющихся впечатлѣній, вѣчную сутолоку, къ которой внѣшній успѣхъ составляетъ единственную, но едва ли разумную цѣль.

Все это люди даже недурные, какъ, напр., Тригоринъ, но которые, вслѣдствіе того чада, въ которомъ они живутъ, вслѣдствіе

В
М
В
Б
В
Д
П
В
Л
Р
Х
О
Б
И
О
Д
Н
П
П
О
Э
В
Д
Л
В
Н
В
М
П
Г
Г
Л

Г
С
С
С
Е
Н
Г
О
Л
В
В
Г

утраты твердых основ жизни, дѣлаютъ даже и дурныя дѣла, какъ тотъ же Тригоринъ, пользующійся увлеченіемъ «чайки», молодой деревенской дѣвушки, принимающей электрическій свѣтъ за настоящее солнце. Это простая деревенская дѣвушка, но она уже заражена ядомъ разложенія: ей претитъ тихая деревенская жизнь, ей уже не нравится и озеро, и эта природа, которая ее окружаетъ, она стремится на сцену, въ актрисы, въ ту нездоровую атмосферу, которая создала и Аркадину, и Тригорина. Въ концѣ пьесы мы видимъ ее актрисой, съ разбитыми нервами, съ извращеннымъ вкусомъ, проникнутою стремленіемъ къ успѣху, безъ всякаго сознанія цѣли своей жизни и работы, какъ бы одурманенною чадомъ. Попалъ въ этотъ круговоротъ и молодой писатель-декадентъ Треплева, влюбленный въ нее, полный какихъ-то неопредѣленныхъ стремленій и порываній. Но для послѣднихъ нѣтъ почвы, в они принимаютъ форму какого-то декадентскаго бреда. Незаконный сынъ актрисы, съ дѣтства жившій въ нездоровой и ненормальной атмосферѣ, онъ какъ бы самой судьбою созданъ былъ декадентомъ, какъ послѣднее слово ненормальной и нездоровой жизни.

Но гдѣ нормальная и здоровая жизнь? Этого не знаетъ, повидимому, и самъ г. Чеховъ. У него видны порывы къ чему-то лучшему, все растущее сознаніе недовольства окружающимъ, но выхода онъ не видитъ. Въ лучшемъ случаѣ мы находимъ у него лишь улыбку состраданія надъ бѣднымъ мятущимся человѣчествомъ, проповѣдь снисхожденія и прощенія, потому что «никто не знаетъ настоящей истины». Въ своей пьесѣ онъ остается, повидимому, вполне объективенъ, тщательно какъ бы избѣгая произносить судъ, но все произведеніе его (даже и языкъ дѣйствующихъ лицъ) въ высшей степени проникнуто субъективизмомъ, настроеніемъ автора, который го-

воритъ образами, выражая въ нихъ свою взволнованную и рвущуюся къ чему-то лучшему, но еще неясному, думу. Эта неясность (которая, впрочемъ, не исключаетъ глубины, и даже ею, пожалуй, и вызвана), вмѣстѣ съ нѣкоторыми шероховатостями произведенія обусловила неуспѣхъ его. Шероховатостей этихъ много — декадентская пьеса въ первомъ дѣйствіи, дѣвица, нюхающая табакъ, странная мать, уговаривающая Треплева обратить вниманіе на ея замужнюю дочь и т. д.

Если пьеса г. Чехова не чужда недостатковъ, во всякомъ случаѣ это искренняя пьеса, притомъ написанная человекомъ, который справедливо считается надеждой русской литературы. Одно это уже должно бы привлечь вниманіе къ представленію его пьесы на сценѣ, но, къ большому нашему удивленію, публика на этотъ разъ блистала своимъ отсутствіемъ. Было обидно и за автора, и еще больше за публику. Между тѣмъ и сыграна была пьеса въобщемъ недурно. Г. Лепковский въ роли Тригорина былъ положительно прекрасенъ, создавъ настоящій типъ, вполне живую фигуру; недуренъ былъ и г. Двинскій въ роли Треплева, хотя въ нѣкихъ мѣстахъ производилъ впечатлѣніе совершенно больного, что едва ли вполне вѣрно. Очень недурна была въ роли Аркадиной г-жа Покровская-Волгина, хотя и не вездѣ; напр., въ сценѣ, когда она уговариваетъ Тригорина вѣсть, нужно бы, пожалуй, больше сценической силы, игры, которая, главнымъ образомъ, и вліяетъ на Тригорина. Наконецъ, въ общемъ недурна была и г-жа Мухаринская въ роли Нины, только ей можно пожелать къ началу пьесы больше свѣжести, а въ концѣ меньше слезъ. Взаоваты, мы не упомянули еще о г. Марковскомъ въ роли доктора — на этотъ разъ онъ былъ рѣшительно хорошъ, выдержавъ роль прекрасно отъ начала и до конца.

О другихъ, болѣе второстепенныхъ роляхъ упомянемъ вкратцѣ. Болѣе или менѣе всѣ въ нихъ были сносны (особенно г. Новиковъ), между прочимъ, и г-жа Ренева въ роли дѣвицы, нюхающей табакъ. Упоминаемъ о ней себѣ потому, что до сихъ поръ она выступала только въ водевиляхъ. Рѣшительно невозможенъ былъ лишь одинъ г. Романовскій въ роли сельскаго учителя.

А. У. скій